

Мама ПО КОНТРАКТУ

РЕДЖИ МИНТ

Реджи Минт

Мама по контракту

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69639217

SelfPub; 2023

Аннотация

Еще вчера я думала, что у меня прекрасный муж, что мы доверяем друг другу и вместе преодолеем любые трудности. Я думала, что у меня есть семья. А теперь я оказалась на улице, беременная, и бывший хочет отнять у меня квартиру. Но одна случайная встреча меняет все... На нашей кровати сидит Олег, а рядом с ним – Вера. Моя подруга. И Олег – голый. То есть не голый, а в галстуке. Это хороший галстук, я его подарила на праздники. Он подходит к рабочим костюмам и годится для важных встреч. Похоже, что тут у моего мужа тоже была важная встреча. Я стою и пытаюсь вспомнить, как дышать. Вера лениво встает с кровати и что-то говорит. Кажется, что-то про театр и трагедии. Я не понимаю, при чем тут это, а потом до меня доходит. Мой муж в кровати с моей подругой. А я в роли обманутой жены, которая не вовремя вернулась с работы. Вот и весь театр. – Лика, давай не сейчас, – Олег морщится, словно я ему помешала. Отвлекла. На его лице ни стыда, ни огорчения, только злость.

Содержание

1.	4
2.	10
3.	15
4.	20
5.	25
6.	31
7.	36
8.	41
9. Зарецкий	46
10. Зарецкий	51
11. Зарецкий	56
12.	63
13.	68
14.	73
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Реджи Минт

Мама по контракту

1.

Еще вчера я думала, что у меня прекрасный муж, что мы доверяем друг другу и вместе преодолеем любые трудности. Я думала, что у меня есть семья.

А теперь я оказалась на улице, беременная, и бывший хочет отнять у меня квартиру.

Но одна случайная встреча меняет все...

– Может, хорошо, что ты узнала все сейчас?

Я сижу на кухне у лучшей подруги. Нет, не так. У своей единственной подруги.

И пью чай. Вкусный. Маша всегда кидает в него кучу каких-то цветов, листьев и пахучих травок. От чая хочется спать, но спать нельзя. Нужно принимать решение. От этого в груди больно и хочется сбежать. Только вот беда – некуда.

– Что хорошего? Что я... Что меня... Променяли на нее? В этом хорошее? – знаю, что похоже на истерику, но голос срывается, и я ничего не могу поделать.

– Хорошо, что ты не успела от него родить, – Маша со стуком ставит передо мной чашку, так что чай плещется на

стол. – Вот это был бы ужас. А сейчас – ничего страшного. Подумаешь, развод. Молодая, симпатичная, другого найдешь.

Машка смелая. Решительная. Она может одним окриком остановить драку или унять пьяного. Хотя ростом Машка метр с кепкой, но характер – стальной.

Хочу быть такой, как она. Но почему-то не выходит.

Она не знает, что и так все – ужас. Потому что родить я не успела, а вот забеременеть – да.

И как теперь? Ничего не могу – даже поделиться радостью. Даже радость испытать.

Только говорить об этом мне сейчас не хочется. Кажется, скажешь вслух – и все, все станет реальным. А так просто страшный сон. Кошмар. Как в кино.

Мой муж. Обожаемый. Единственный мужчина в моей жизни. Олег. Тот, с кем мы прожили пять лет. Счастливых лет. Познакомились случайно, у друзей. Он сразу подсел ко мне, первым завел разговор. Высокий, красивый, стильный. Обходительный. А я тогда все боялась, что он меня с кем-то перепутал. Оказалось – нет.

На следующий день мы уже гуляли в парке, и он кормил белок орехами с руки. Пытался кормить. Белки ему не доверяли, ждали, пока он положит угощение и отойдет. У меня ладони брали безбоязненно. Он тогда смеялся, что это потому, что он большой и страшный мужчина. И я тоже смеялась. Теперь думаю, что белки были куда умнее меня.

Муж. Надежный. Спокойный. Рассудительный. Который говорил мне “я тебя люблю” так часто, что я таяла и хотела навсегда остаться в его объятьях. Про кого я думала – он никогда меня не предаст.

Это же невозможно, когда так любят – не обижают. Значит, все вранье!

Но вот кошмар стал реальностью. Сегодня днем.

Наверно, все самое плохое происходит случайно. Совпадение. Если бы я не забыла дома кошелек. Если бы на работу не заглянула знакомая, готовая продать хорошую колыбельку задешево. Если бы две недели назад на тесте не случились две полоски. Сплошное “если”.

И как теперь быть, “если” больше нельзя быть вместе?

– Ты уверена, что это Вера? С твоим Олегом?

“Твоим”. Наверно, надо поправить, но Машка не со зла. По привычке.

Мгновенный укол боли. Укол проходит, а боль остается. Между ребрами и почему-то в горле. Да, Вера. Моя вторая лучшая подруга. Бывшая. И Олег. Муж.

Похоже, что тоже бывший.

– Маш, я сейчас, конечно, зареванная и соображаю плохо, – я отхлебнула чай, и Маша тут же подсунула под кружку салфетку. – Но глаза-то у меня не исчезли! Я видела, понимаешь, видела. И они меня видели!

– Давай по порядку! – Маша перетянула волосы в хвост, закинула в рот карамельку и уселась напротив. – Не обращай

внимания. Я всегда ем, когда волнуюсь. А потом ору на весы. Расскажи еще раз.

– Я не знаю, что рассказывать.

– Все знаешь. Не дури. Мне нужно понять, что делать. Поэтому что от тебя сейчас толку нет...

Верно. Какой во мне толк. Забавно, пять лет я ощущала себя самой любимой женщиной на земле. Купалась и грелась в этих лучах. А сейчас меня словно сунули в морозилку – прямо как есть, в летнем платье. Больно, мерзко и очень холодно.

Даже Машкин чай не спасает.

За окном идет пушистый снег.

Такой же густой, как две недели назад, когда я возвращалась от врача. Уже зная, что внутри меня есть кто-то еще. Что я теперь не одна. Но я не сказала Олегу. Хотела и не сказала. Почему-то решила, что такие новости нужно говорить в особенный день. Завтра у нас юбилей, я заказала столик в любимом кафе, хотела сделать сюрприз. И рассказать про ребенка. Чтобы все стало совсем значимо для нас двоих.

А выходит, что сюрприз сделали мне. И какой! Прямо на все деньги с порога! От воспоминаний снова захотелось плакать.

– Лика, не спи, рассказывай. Я сейчас на курсах по психологии, нас учат, что боль надо проговаривать. Только не реви больше. У меня салфетки кончились.

А я и не реву. Я замерзаю. Без Олега. Как же это сложно,

оказаться в мире, где тебя больше не любят.

Может, я сделала что-то не так? Не так посмотрела? Не так оделась? На дне рождения приятеля этого, не помню, как зовут, вела себя слишком прилипчиво? Говорила глупости после бокала шампанского? Маме его подарила на Новый год слишком дешевый подарок? Была нехороша в кровати? Хуже других? Хуже нее?

Где я ошиблась, что меня разом разлюбили?

Или я все не так поняла? Обозналась? Померещилось?

Но очень сложно убедить себя в этом, когда видишь все собственными глазами. Может, нельзя было сбегать? Стоило остаться и там на месте окончательно понять, что об меня вытерли ноги?

Но я не смогла. Не хватило сил. Испугалась за ребенка, о котором Олег и знать не знает. Почувствовала, как сводит низ живота от шока, что еще несколько секунд – и со мной случится жуткое. И я убежала, даже дверь не захлопнула. Оставила в ней свои ключи. На них еще брелок – две ладонки держат сердце. Олег подарил месяц назад, когда вернулся из рабочей поездки.

А теперь я на кухне у Маши. И она боится, что я натворю дел, вон, балкон закрыла с особой тщательностью. И ножик отодвинула.

Машка хорошая, предусмотрительная, но это она зря. Я люблю жить. Очень люблю. Только вот теперь это больно. Но есть то, что главное боли – ребенок внутри меня. Пусть сей-

час он ничего не понимает, слишком маленький срок, но я должна держаться, чтобы он жил. Поэтому нужно пить вкусный чай, а потом открыть рот и рассказать все в подробностях.

С чего начать? С того, где я облажалась?

Я всегда смотрела на себя трезво. Да, у меня милая внешность, но я не красавица. Нравлюсь многим, но вот до ухаживаний обычно не доходило. Училась хорошо, но не больше. Среднячок. Во всем. Но разве это значит, что со мной можно так? Сначала приучить жить в любви, а потом вышвырнуть за порог, как котенка?

– Лика, у меня карамелька заканчивается. Давай, детка, надо!

И я рассказываю.

2.

Все началось с колыбельки.

С ней вышло удачно. Я очень обрадовалась такому везению. Мне в принципе редко везет, так что повод для радости есть.

Сумма за такое чудо смешная.

Женщине, заглянувший к нам на работу, лень возиться с продажей через интернет и она громко рассказывает об этом в нашем кабинете.

– А сколько стоит? – спрашиваю я.

В этот момент я совсем не думаю о том, чтобы купить ее. Но сразу понимаю, что палюсь перед коллегами. И даже если начну доказывать, что это не мне – не поверят. Но коллектив у нас хороший, все заняты своим делом. Особо сплетничать некогда.

Сотрудник я средней ценности, и увольнять меня при таких новостях с должности точно никто не будет. Фирме дорога репутация. Да и начальник у нас вменяемый.

Женщина говорит:

– Давай за пять. Ты кому берешь?

Тут я соображаю, что коллеги в кабинете смотрят на меня с большим интересом, но хочется сказать правду, и я улыбаюсь:

– Себе. Правда, это не скоро.

– Ой, опомниться не успеешь, – женщина улыбается. – Здорово! Я тебя поздравляю. Колыбель у меня в машине. Я могу сейчас поднять. Договорились?

Я лезу в сумку и понимаю, что взяла с собой только телефон, а кошелек с картами и наличкой забыла дома. По глазам коллег – завистливым – понимаю, что пять тысяч мне сейчас никто не одолжит.

– Я живу рядом, сейчас обед, – если подождете буквально десять минут, я принесу. Или вам безналом на карту можно скинуть? – судорожно ищу выход.

Потому что колыбелька даже на фотке выглядит как мечта. Японская. Бесшумная. С какими-то сложными программами укачивания и встроенной музыкой. С вышитым матрасиком. Вся какая-то воздушная, словно сказка.

Если брать такую новую – то придется просить Олега, а он к новым тратам относится неодобрительно. Сначала обсуждает долго, потом пару дней еще думает. Все-таки у нас ипотека, и обе наши зарплаты лишаются большей своей части.

А тут удача, да еще и за такие маленькие деньги. Новая стоит, наверно, под сто тысяч.

И неважно, что до родов мне еще восемь месяцев. Колыбель складная, а места у нас в новой квартире много.

– Лучше бумажками, – улыбается женщина. – Не переживайте, я не спешу. Подожду вас в машине.

Она прощается с моей коллегой, к которой заезжала по делу – отдать какие-то документы, и уходит. А я со всех ног

несусь домой, за кошельком.

Дважды чуть не падаю – под снегом лед, а у меня скользят сапоги. Стоило бы их заменить на новые и потратить ту самую пятерку, но сейчас перед глазами воздушный матрасик с вышивкой. А значит, сапоги подождут.

Возле квартиры у меня падают ключи. Дважды. Я выдыхаю, заставляю себя успокоиться. Никуда та женщина не уедет – она же обещала. Значит, можно спокойно взять деньги и вернуться обратно, не рискуя сломать себе шею.

Поднимаю ключи, замечаю скол на брелоке. Жалко, совсем ведь новый. Открываю первую дверь, вставляю ключ в замок второй, которую запирала утром, но ключ не идет – застревает так, словно дверь открыта.

Я на мгновение теряюсь, пытаюсь провернуть, но потом сдаюсь и просто толкаю дверь от себя. Она легко открывается. Теперь понятно почему – с обратной стороны вставлены ключи. С таким же парным брелоком.

Олег дома? Как странно.

Он же еще вчера дважды предупредил, что его не будет допоздна – какие-то дела по проекту. Олег занимается оптимизацией бизнеса, и как раз сейчас у него крупный клиент. Но нет, мне не мерещится – ключи же в двери. Может, заболел? Тогда почему не позвонил? Или тоже, как и я, забыл что-то дома?

Я решаю не разуваться, хватаю забытый в коридоре на столике кошелек, отряхиваю сапоги от снега и быстро иду в

спальню – распахиваю дверь настежь и сначала не понимаю, что происходит.

На нашей кровати какой-то темный ком, он шевелится, стонет, потом резко распадается надвое, и в рассеянном сумраке из-за задернутых не по времени суток штор я понимаю, что на кровати сидит Олег, а рядом с ним – Вера. Моя подруга.

И Олег – голый.

То есть не голый, а в галстук.

Это хороший галстук, я его подарила на праздники. Он подходит к рабочим костюмам и годится для важных встреч. Похоже, что тут у моего мужа тоже была важная встреча.

Я стою и пытаюсь вспомнить, как дышать. Потому что тело напрочь забыло, как это делается. Секунда, еще.

Вера лениво встает с кровати и что-то говорит. Кажется, что-то про театр и трагедии. Я не понимаю, при чем тут это, а потом до меня доходит. И тут же получается сделать вдох. Он такой колючий, и почему-то воздух кажется очень холодным.

Мой муж в кровати с моей подругой. А я в роли обманутой жены, которая не вовремя вернулась с работы. Вот и весь театр. Анекдот.

– Лика, давай не сейчас, – Олег морщится, словно я ему помешала. Отвлекла. На его лице ни стыда, ни огорчения, только какая-то непонятная злость. И досада.

Нет даже тени вины. Никакого раскаяния.

Олег не извиняется, не пытается как-то сгладить весь кош-

мар ситуации. Просто невозмутимо одевается, с таким выражение на лице, что мне становится сразу еще хуже.

До меня доходит, что это он злится на меня: что я пришла не вовремя и застала его с другой. Не дала закончить. Раскрыла. Выставила идиотом.

И вот тут я понимаю, что Олег меня не любит. Совсем. Это как озарение.

Мгновенная жесткая вспышка. И ударная волна боли за ней.

3.

Внутри становится очень больно, и я пугаюсь по-настоящему. Потому что теперь я не одна, и если сделаю все правильно – больше никогда не буду одна. Но именно поэтому сейчас мне нужно уйти. Сбежать.

Не устраивать скандал, не пытаться выцарапать Олегу глаза – хотя на такое я не способна. Не выкидывать Верины вещи за порог, чтобы она бегала голой по лестничной клетке.

Нужно снять с крючка в коридоре теплый пуховик, переобуться – лучше надеть ботинки, которые я купила для зимних прогулок. И не забыть шарф и шапку.

Я разворачиваюсь и ухожу переодеваться. За спиной раздаются голоса, но я не вслушиваюсь. В ушах стоит гул, словно я лечу в самолете. Ботинки, пуховик. Кошелек в карман. Взять рюкзак, вытряхнуть в него содержимое сумки, запасной свитер – он очень кстати в коридоре.

Сейчас мне нужно все самое удобное.

Голоса становятся все громче, кажется, Олег зовет меня, но я уже выхожу за дверь: внутри все напряжено до предела. Ключи я не забираю. Не хочу сейчас смотреть ни на брелок, ни на того, кто его подарил.

Спускаюсь вниз.

На этаже стучит дверь, но никто не кричит. Не пытается меня остановить. На последней ступеньке я останавливаюсь,

жду секунду. Но нет, тишина, а потом хлопок закрывающейся двери. Как выстрел.

Все.

Быстро и осторожно иду обратно, к ждущей меня женщине. Спроси кто меня потом, о чем я думаю – не отвечу. Потому что мыслей нет, есть только боль от того озарения. И она такая яркая и сильная, что дышать все еще трудно.

Женщина, как и обещала, сидит в машине и что-то набирает в телефоне. Видя меня, улыбается, выходит, открывает багажник и достает колыбель. На плотной упаковке картинка – малыш и двое родителей рядом. Совсем как в моей мечте. В той самой, где мы вдвоем растим нашего ребенка. Теперь внутри фантазии черная дыра в форме Олега.

Я на автомате благодарю, что-то отвечаю на вопросы, достаю деньги. Женщина смотрит обеспокоенно и почему-то берет меня за руку:

– Вы уверены, что вам нужно обратно на работу? Вы выглядите бледной. Давайте я вас подкину до дома. Мне не сложно.

– Нет. Да. Я... – сбиваюсь, пытаюсь понять, о чем она.

Ведь домой мне нельзя. Там меня больше не любят, а значит, возвращаться бессмысленно. И что теперь делать? Как жить дальше?

С полным знанием, что Олег меня предал. Что Вера меня презирает и залезла в нашу с Олегом кровать. В нашей квартире.

Что теперь жизнь никогда не станет прежней. Потому что она разлетелась на куски. Никаким клеем не склеешь.

Поэтому я осознанно беру себя в руки и произношу связную фразу, первую за последнюю четверть часа:

– Если не сложно, мне нужно на Авиаторов, восемь. Вы правы, мне действительно нехорошо. Голова кружится.

– А там будет кто-то, чтобы помочь? – женщина усаживает меня на переднее сиденье, захлопывает дверь и через пару секунд садится за руль.

В машине пахнет корицей и булочками, но с химической отдушкой. Женщина замечает, что я сглатываю, и приоткрывает окно, одновременно сдергивая флакончик с освежителем с зеркала заднего вида.

– Слишком сильный запах? Сейчас проветрится.

– Ничего, не страшно, – говорю я. Страшно то, что теперь у меня нет Олега. Был пять лет, а теперь хлоп и испарился. – Я потерплю запах. Меня не укачивает. Это адрес моей подруги. Она должна быть дома.

– А вы позвоните, – настаивает женщина. – А то, может, мне стоит вас прямо в больницу везти. Одной сейчас точно быть не стоит. Когда я носила Сонечку, меня трижды клали на сохранение. И один раз могли не успеть – хорошо, рядом оказался понимающий человек. Так что звоните. Я не тороплюсь, подожду.

Я достаю телефон, ищу номер Машки и жму вызов. Она отвечает почти сразу.

– Я сейчас еду к тебе, – говорю я. – Никуда не уходи.
– Не уйду, конечно. Что у тебя стряслось? Уволили?
– Почти. Скоро буду, – я нажимаю отбой.

Женщина улыбается успокоенно и выруливает на дорогу. У нее очень красивые серьги – из яркой тесьмы и стразов. Что-то индийское: желтое, оранжевое, зеленое. Как тропические птицы. Я стараюсь смотреть на них всю дорогу и не думать.

Мы приезжаем очень быстро.

Женщина выгружает из багажника колыбельку, а потом, не слушая уговоров, помогает поднять ее на третий этаж Машкиной хрущевки. Лифта тут нет.

Женщина прощается, ободряюще хлопает меня по руке, говорит:

– Держитесь, – и уходит, напоследок сказав: – Все будет хорошо. Это большое счастье, просто потом поймете.

Я понимаю даже сейчас, но внутри все – сплошная рана. Это даже не боль, это нечто большее.

Я звоню в дверь. Жду.

Почему-то на лестнице очень холодно. Мне наверно никогда в жизни не было так холодно. Дрожь пронизывает тело от шеи и до колен. Хочется сжаться в комок прямо тут, на лестнице. Я заставляю себя дышать ровно, потому что при такой трясучке даже сказать Маше слово не смогу.

Кутаюсь в шарф и сую руки в карманы. Натыкаюсь на что-то, вытаскиваю и понимаю, что это та самая купюра в пять

тысяч, за которой я бегала домой.

Выходит, женщина не взяла денег. Сунула мне обратно в карман.

Внизу щелкает замок на двери подъезда, и я не успеваю сообразить, что надо крикнуть “спасибо”.

Женщина наверно уже ушла и орать на весь подъезд глу-по.

Машка открывает двери. Без улыбки.

И я перед ней – с плотно упакованным в пупырчатый полиэтилен свертком, по которому не разберешь, что внутри. И с купюрой в руке.

Маша замирает, ее брови ползут вверх, а меня наконец прорывает.

Я реву. Это как поток – не остановить.

– Твою мать! – шепчет Машка и затаскивает меня внутрь.

4.

Я рассказываю и замечаю, что чашка в руках дрожит. Ставлю ее на стол, контролируя каждое движение.

На Машу мне смотреть боязно. Почему-то кажется, что сейчас она пожмет удивленно плечами и скажет что-то обвиняющее.

Что я сама виновата. Была плохой женой и хозяйкой. Все делала не так. И наверняка тайком спихивала Олега в чужие руки, а теперь еще имею наглость жаловаться.

Все это представляется так четко, что когда Машка подходит сзади, матерится грубо и горестно и обнимает меня за плечи, я каменею.

Просто не верю в то, что меня утешают. Понимают. Жалеют.

– Я чуяла, что этот твой “Олежек” – мудака с дерьмом вместо мозгов. Такую девчонку променять... Жизнь свою счастливую променять! Все просрать! – Машка не стесняется в выражениях. – Вере я отдельно выскажу. Она у нас, к несчастью, в семье как младший брат в сказках – дура дурой. Но знаешь, это большая глупость все сваливать на нее. Виноват этот... козлина!

– Маш, а что мне делать? – спрашиваю я.

Мне сложно быть такой беспомощной. И униженной. Это непривычно. Я всегда была хоть средненькой, но с достоин-

ством. Хотя обычной, но со своими правилами. А теперь все это втоптанно куда-то в пыль.

– Жить. Пить чай, Лика. Поесть. Я сейчас спагетти сварю. С сыром сделаю и томатами. По-крестьянски. Я знаю, ты любишь. А еще хорошо бы перестать думать, но это ты не сумеешь. Поэтому давай ставить реальные задачи.

– Мне, наверно, надо позвонить ему, да? Я дверь оставила открытой.

– Ничего, справится. Олег, как мы выяснили – большой мальчик. Сумел член в чужую тетку засунуть, сможет и двери закрыть! – обрезает Маша, и мне опять больно, хотя она не говорит ничего такого. Лишь повторяет мои мысли.

Пока Маша грохочет кастрюльками и готовит, я просто допиваю чай. Потом иду в ванную, смываю с лица весь кошмар – с макияжем вместе.

Из зеркала на меня смотрит бледное создание с опухшими глазами и красным носом картошкой. Испуганное и трясущееся. На голове не пойми что, губа прокушена.

Неудивительно, что женщина, которая меня подвозила, вернула деньги. Пожалела. Хорошо хоть не вызвала дурку. Я понимаю, что боль внутри – это навсегда. И теперь придется с ней жить. И нужно будет умываться с этой болью, спать с ней, работать и растить с ней ребенка.

Я пускаю ледяную воду, она немного убирает отек, и больше не хочется плакать. Только согреться. Я открываю тонкой струйкой теплую, сажусь на бортик ванны и подставляю

запастья.

Теплее не становится, но текущая вода успокаивает. В голову приходит странная мысль: почему он не звонит? Почему не хочет узнать, как я? Насколько мне больно? Не ушла ли я заливать горе куда-то в другой компании? Не решилась ли я на развод?

Ведь если мы жили вместе, его должно все это волновать? Так?

Сначала я удивляюсь этому отсутствию заботы, потом вспоминаю лицо Олега и понимаю: это потому, что меня больше не любят. И ему все равно, где я и куда пошла.

Если бы там, в спальне, у него на лице отразилось бы хоть что-то, кроме досады и злости – хотя бы испуг, страх... Но нет, а значит, не стоит тешить себя надеждой.

Он не позвонит.

Но маленькая обиженная девочка внутри меня все-таки ждет звонка и надеется на чудо.

Это неправильно, но я не могу победить свою любовь так сразу. Она-то не виновата. Это не она закончилась, а ее подло пырнули ножом.

Предали.

И не только ее.

Ребенка тоже. Вот так легко отказались от нас двоих, пусть Олег и не знал о том, что нас уже двое. Это неважно.

Интересно, а скажи я ему обо всем неделю назад, он все равно бы затащил Веру в нашу кровать? Как же мерзко, как

гадко... и неожиданно.

Неужели я была так слепа, что не замечала явных признаков? Ведь все же твердят, если муж изменяет жене – жена обычно в курсе. Чувствует. Ощущает. Или только я, такая тупая и толстокожая, все проморгала?

Сплошные вопросы и ни одного ответа.

Я приглаживаю волосы, вслепую заплетаю их во французскую косу и перевязываю Машкиной резинкой. Отражение лучше не стало, но мне необходим порядок. В мелочах.

После того, как мы стали жить вместе, я редко заплетала волосы – Олег говорил, что мне идут распущенные. И действительно, мои выющиеся каштановые волосы были густыми, хоть и не очень длинными. А когда они свободно лежали, то придавали мне какой-то загадочный и беззащитный вид.

У меня зеленые глаза. Не такие зеленые, как у девушек на картинках про Ирландию, скорее болотные. Круглое личико, немного задранный нос и красивые губы. Все вместе обычно смотрится мило. Но не сейчас.

Сейчас я жуткая. По коже идут красные и белые пятна. Я умываюсь еще раз.

Становится легче. Больше плакать нельзя.

Сейчас это не нужно. Сейчас нужно стать сильной. И заплетать волосы так, как я делала, пока рядом не появился Олег.

Хоть и не сразу, но должно получиться отвыкнуть. Лишь бы эта боль немного отступила и дала нормально сообра-

жать.

– Лика, у тебя все в норме?

Маша стучит в двери.

– Да, еще минуту.

Я встаю, смотрю на себя еще раз. Сейчас бы я сама себя бросила, такое отвращение вызывает отражение.

Мочу маленькое полотенце холодной водой, прикладываю к переносице и выхожу из ванной.

Завтра мне нужно выглядеть человеком. Нормальным. Чтобы встречные не желали вызвать мне скорую или посадить на лавочку. Потому что завтра мне придется вернуться домой. Туда, где все произошло.

И поговорить с Олегом.

О разводе.

5.

– Да, так лучше, – Машка бросает на меня быстрый взгляд и кивает на накрытый стол.

Там дымятся в модных тарелках две порции спагетти с соусом и сыром. Машка повернута на итальянской кухне. Иногда мне кажется, что единственное, чего ей не хватает в жизни – это мужа-итальянца.

Машке подошел бы итальянец.

– Ешь. Молча. Я буду думать, – Машка произносит это командным тоном, и в ее взгляде я вижу нешуточное беспокойство.

– Ничего. Я почти в порядке. Это с непривычки. Я справлюсь, не волнуйся.

– Еще бы. Какие тут привычки могут быть! Ешь давай. И не торопясь. Судя по твоему свертку, который ты в коридоре оставила, тебе нужно нормально питаться. И салат чтоб тоже съела.

Машка хмурится и наматывает спагетти на вилку. Слова вроде грубые, но сразу понятно – это забота. Настоящая. Потому что ей не все равно.

Я понимаю, что Машка распаковала сверток и увидела колыбель.

Хочется начать говорить, оправдываться, объяснять, но она делает зверское лицо и начальственно тыкает в мою та-

релку пальцем:

– Ешь! Все потом решим.

Я слушаюсь и понимаю, что действительно голодна как волк.

Спагетти кажутся совершенно волшебными, и я ем быстро, стараясь не давиться от жадности. Потом вспоминаю – это потому, что с утра я не успела перекусить, бежала на работу, в обед пришла женщина с колыбелькой, и купленный по дороге салат так и остался в холодильнике, а потом...

Запрещаю себе думать дальше и просто ем.

– Не торопись. Я еще сварила. У меня когда мама носила сестру, она лопала как не в себя. И не толстела, все шло в дело. Помню, все время таскала ей из кондитерской сушки с маком и пироженки – такие мелкие, двойные. Кстати, классная штука. Я про колыбель. Даже не видела таких. Где взяла? Молчи, потом расскажешь. Так вот, – Машка не стала доедать, отодвинула свою тарелку, встала и снова начала колдовать над заварником. – Слушай. Ты, конечно, сейчас дурная, и голова у тебя набита ерундой, но я тебе скажу одну очень важную вещь.

– Какую? – я с удивлением вижу, что съела уже половину порции, и тянусь за салатом.

– Это все не просто так, – выдает Машка и смотрит на меня так, словно рассказала, кто убил Кеннеди.

– Маш, у меня голова набита... Лучше тебе не знать, чем набита. Давай ты будешь объяснять, что имеешь в виду, –

прошу я.

– Поступок Олега. Я прям шкурой чувю – тут что-то другое. Не, ты все правильно увидела и поняла. Он – отборный гондон. Но это не просто так – гормоны, ах дорогая, и упали в кровать. Вот не могу доказать, но...

– Что “но”? Думаешь, я такая замечательная, что мне нельзя изменять? – говорю и опять чувствую горечь на языке. – Как видишь, можно. Куда мне до Веры.

– Вот именно, – говорит Машка со значением.

И я даже не злюсь. Потому что Вера – это Вера.

Она шикарная. И при этом – не красавица, но у нее как-то получается подать себя, что все встречные мужики голову сворачивают. Олег вон всегда говорил – “Вера ждет своего миллионера” и ржал, словно удачно срифмовал. Вера улыбалась и отвечала с нажимом: “Жду”. Хотя, может, они уже тогда?..

Но это не мешает мне осознавать, что я Вере реально не конкурентка. И что захоти она еще пять лет назад – увела бы Олега от меня, как теленка на веревочке. Только вот он был ей не нужен. Не видела я в ее глазах даже искры интереса. Она любила мужчин рискованных, с дьявольщиной. Мой парень, а после муж, был для нее слишком пресным. Обычным.

Да, зарабатывает хорошо, но всегда предпочтет купить новенькую машину подешевле, а не поддержанное люксовое авто. Сейчас я понимаю, что и с женщинами он вел себя так

же: выбрал меня, а не Веру.

Только вот теперь передумал. Или она поманила.

Ей же это легко дается, по щелчку пальцев! У нее все просто. Вся жизнь – как танец. Два брака, детей нет. Свой салон красоты – не в центре, но в престижном районе на окраине. Хорошая клиентская база. Нюх на прибыль.

Свой стиль, манеры.

Одевается она просто, но даже ее домашний халатик словно взят со странички журнала. Вере все всегда удается.

Теперь ей удался Олег. Ее, Ликин, Олег. Который не был крутым мэном или банкиром. И тут Машка права. Действительно, странно.

– Удивительно. Была бы это не Верка, а кто-то другой... Не знаю. Нечисто тут. Кручу в голове – все никак не выходит, – Маша хмурится. – Давай об этих к ночи не будем. Я тебе таблетку дам... Хотя какая тебе сейчас таблетка. Обойдешься чаем. Ты поняла, где и как ты будешь ближайшее время? Сегодня-то понятно – тут, это не обсуждается. А потом как? Квартира-то у вас общая.

Общая. В этом была главная беда моего ухода.

Свою однушку я продала год назад, договорившись, что мы вместе возьмем ипотеку на квартиру побольше. Отдала деньги Олегу. Он все оформил, и мы переехали в новый дом, в отличную трехкомнатную квартиру. В которой нам было так хорошо.

А теперь придется продавать, делить деньги.

– Так, Лика. Стоп! Не грузись. Все завтра. Я с тобой схожу туда, все выясним. Возьму выходной.

– Спасибо...

– Только последний вопрос. У тебя срок-то какой? – Маша напрягается, и я это чувствую. Она хочет спросить еще что-то неприятное. Вот ведь. Неужели она думает, что сможет ухудшить мой день хоть чем-то?

– Месяц и две недели. Или чуть меньше. Врач сомневалась.

– Вот и я сомневаюсь.

Моргаю непонимающе. О чем она?

Маша продолжает напряженно:

– Я тебе ничего не советую. Но говорю прямо: без ребенка тебе будет проще. И на судах. И с разводом. И в целом. Проще. Одно дело – ты, молодая, красивая и свободная, ищешь парня по душе, и другое – ты, молодая, красивая и с крохой, которая за юбку держится. Не всякий захочет дополнительных проблем. Как это сейчас говорят – “разведенка с прицепом”.

Мне как-то в целом сейчас не приходило в голову, что после Олега можно с кем-то жить. Кого-то любить. Строить быт. Поэтому я непонимающе улыбаюсь, а потом до меня доходит.

Маша говорит про аборт.

Который избавит меня разом от сотни проблем. И я опять стану “ликвидной деткой на брачном рынке”.

Мои руки сами собой ложатся на живот в попытке защитить. Укрыть. И я понимаю – нет. Неважно, что ребенок будет расти без родного отца. И даже хорошо, что без него. Неважно, что я буду тянуть все одна. Неважно, что стану “разведенкой с прицепом”.

Справлюсь.

Маленькое сердечко внутри важнее всего.

И я ни за что от него не откажусь.

6.

Маша уступает мне свой диван.

У нее дома тихо, спокойно, на окнах плотные синие шторы. За окном слышится шум проспекта, он монотонный и не мешает. Только когда проезжает фура шум становится сильнее.

Но мне все равно никак не уснуть.

Я думаю об Олеге.

Вспоминаю, как началась наша любовь. Драгоценная и для меня первая. Как же я ее берегла!

Меня снова накрывает чувство потери. Внутри открывается черная дыра. Не выходит выбросить из головы все, что произошло.

Перебираю каждый свой поступок и понимаю, что много раз была права. Невнимательна. Не заботлива. Сплошное “не”. Столько упущенных моментов.

Да и Олег часто вздыхал, что у знакомых жены больше чем-то интересуются, ходят куда-то. Занимаются керамикой, вязанием. Пытаются основать дополнительное дело из хобби и принести домой лишние деньги. Эти жены – интересные, современные женщины. Они следят за модой, хорошо выглядят и являются хорошим примером.

Я занималась йогой и ходила в зал, но это Олег не одобрял – дорого. Пришлось бросить. Из-за платежей по ипоте-

ке семейный бюджет здорово просел. Абонемент на фитнес влетал в копеечку.

Олег перестал говорить о том, что я трачу лишние деньги, зато как-то мимоходом заметил, что у знакомых жены спортом не пренебрегают. Вон какие подтянутые!

Может, поэтому все случилось? Я была не такая, как ему хотелось? Плохо старалась?

А хотелось всегда такую вот Веру? Сексуальную, уверенную, свободную. Но ведь он никогда не обращал на нее внимание. Хотя Вера и Маша очень часто забегали к нам. Да он с Машкой больше болтал, а Веры, наоборот, сторонился. Стеснялся.

Мой муж в целом неохотно общался с подругами. Приходил, кивал приветливо и прятался к себе в комнату работать. Я всегда очень переживала, что он такой необщительный.

Я переворачиваюсь на другой бок – так меньше ноют виски.

Может, вернуться? Простить? Сделать вид, что у каждого бывают ошибки. Забыть и начать все заново?

Нет, нельзя. Если бы не случилось беременности – я бы об этом подумала, но сейчас... Не хочу, чтобы человек, способный на предательство, находился рядом с моим ребенком! Сейчас он сделал больно мне, потом он разобьет сердце нашей крошке. Будет врать и мне, и ей.

Мысли скачут как сумасшедшие. Хочется плакать, но нельзя.

Под утро начинает казаться, что все случившееся померещилось. И на самом деле я могу вернуться домой и обнять Олега. И он поцелует меня – так нежно, как всегда это делал.

Я сама останавливаю себя, не разрешаю думать о таком. Потому что это сведет меня с ума.

Со стороны, наверно, мы казались всем благополучной парой. Оба с неплохой зарплатой, амбициями, образованные. Мы подходили друг другу, как два кусочка мозаики. А теперь оказывается, что кусочки были изначально разные. Из разных наборов.

Если бы Олег выглядел хоть немного виноватым, или испугался того, что я застала его с другой. Но нет! Выражение его лица убедило меня в том, что все произошло обдуманно. Он не стыдился измены. Он считал это своим правом!

И теперь мне все больше начинает казаться, что его роман с Верой стартовал давно. Или это уже не первый роман за моей спиной? Что еще я не замечала, ослепленная собственной любовью?

Я припоминаю, что он всегда прикрывал от меня экран телефона, хотя у меня и в мыслях не было заглядывать. Я не знала пароль на его ноутбуке.

И еще он дважды в неделю ездил к своей матери, в область.

Сколько возможностей! Слепая от любви жена, свободное расписание...

Мысли горькие, колкие. Думать их не хочется, но я не мо-

гу вывести себя из бесконечного внутреннего спора. В своих мыслях я спорю с Олегом, доказываю что-то, плачу и кричу. А на самом деле смотрю в потолок Машкиной квартиры и даже дышать стараюсь тихо, чтобы не разбудить ее.

Я засыпаю только под утро.

Сон снится странный, какой-то ненормально светлый. Словно у меня внутри горит маленький уголек и согревает меня всю от кончика носа и до пяток. Я сижу в какой-то большой комнате на кровати и задумчиво рассматриваю вышивку на покрывале – ярко-голубые ирисы и листья кувшинок. И жду. Чего-то огромного и светлого.

Меня будит голос Маши. От него сон идет трещинами и рассыпается.

Ирисы становятся бледнее, на смену ожиданию чуда возвращается боль.

– Лица, вставай. Просыпайся!

Маша уже одета и успела убрать свою в постель в шкаф.

– Сколько времени? – спрашиваю я.

– Уже девять. Не хотела тебя поднимать рано. Давай, я кофе сварила. Тебе кофе еще можно?

– Не знаю.

– Значит, можно. Давай завтракай и звони этому...

Машка хочет сказать “своему”, но вовремя останавливается. Все правильно. Все-таки она умница и хорошая подруга.

– Маш, я даже не знаю, с чего разговор-то начать.

– Обычно говорят «привет». В случае с твоим Олегом можно сказать «привет, козел».

После кофе с молоком и разогретой в микроволновке булочки сил как будто прибавляется, и я набираю Олега.

Он отвечает не сразу, я уже хочу повесить трубку.

– Лика.

От того, как он произносит мое имя, стало погано.

Предчувствие чего-то ужасного придвигается вплотную.

– Нам надо поговорить. Я приеду в час, – выдаю я заготовленную фразу. – Будь дома.

– Хорошо, договорились, – неожиданно легко соглашается он. – Постарайся не опаздывать. У меня работа.

Вот так.

7.

Мы добираемся до моей квартиры на такси – потому что Машкина машина сломалась. Всю дорогу мы с ней старательно обсуждаем, где взять запчасти, и к концу поездки водитель смотрит на нас странно.

– В автосервисе на Тишковской узнайте. Вроде у них бывает, – неожиданно выдает он, и Машка ему благодарно улыбается.

Я киваю, понимая, что подруга пытается меня отвлечь и на самом деле прекрасно знает, где взять запчасти.

Вокруг все как в дымке. Я не могу перестать думать об Олеге. Что он скажет? Как посмотрит? И что сказать мне самой?

Машка не рискует бросить меня одну, и мы поднимаемся на этаж вместе.

Маша звонит в дверь одним долгим звонком. Звук мерзкий, от него болит голова.

Перед этим я долго шарю в сумочке и по карманам, пока не вспоминаю, что оставила ключи в дверях.

Проходит какое-то время, из-за двери раздается шорох, и она открывается. На пороге – Олег.

Обычный. Такой же, как всегда. В джинсах и рубашке. Рубашку я подарила пару месяцев назад. Он носил с удовольствием, говорил – очень удобная.

– Привет.

Олег кивает.

Словно ничего не произошло. На его лице нет ни следа волнения, расстройства или каких-то необычных эмоций.

А я стою как дура, открыв рот. И не знаю, что сказать.

Кинуть в лицо обвинения? Но это глупо. Всем все понятно. И мне, и ему. И наверно, поэтому он так спокоен.

Я говорю:

– Нам нужно обсудить важные вещи, – и прохожу внутрь квартиры.

Олег пытается закрыть дверь сразу же за мной, но Маша не дает.

Отталкивает его в сторону и проходит вместе со мной. По дороге фыркнув:

– Я ее одну с тобой не оставлю. Мудила! Как знала, что ты окажешься полным дерьмом!

– Поражен твоей проницательностью, – Олег пожимает плечами, но не спорит и Машку не останавливает.

Ему действительно все равно.

А я стою посреди своей гостиной и смотрю на собранные чемоданы. Мои чемоданы.

Два больших, и рядом стоят еще четыре полиэтиленовых пакета. Даже не заглядывая внутрь, знаю, что там. Мои вещи. Надо же, позаботился.

Сложил все. Чтобы побыстрее убралась.

Живущая внутри злость неожиданно просыпается. Хочет-

ся вцепиться Олегу в горло.

За все, что он сделал. За всю боль. И особенно вот за эти собранные сумки.

Я почти тону в нахлынувшей ярости.

Разворачиваюсь к Олегу, наверняка чересчур резко:

– Что это?

– Твои вещи, – отвечает он спокойно.

Проходит в гостиную и садится в кресло. Закидывает ногу на ногу. У многих мужчин такая поза выглядит привлекательно, но здесь не тот случай: кресло слишком большое, а Олег в нем мелкий, и впечатление хозяина жизни смазывается.

Я неожиданно весело фыркаю, а он хмурится:

– Я решил, что будет лучше, если сам все соберу. Тогда нам меньше придется провести вместе неприятного времени. Ведь так?

– Ты кое-что забыл, дорогой, – я сама не замечаю, как в мой голос прокрадываются едкие нотки.

Машка смотрит на меня с удивлением, она-то думала, что я буду реветь. Но мои вещи, собранные и стоящие посреди комнаты, просто вывели меня из себя. Нельзя загонять в угол раненое животное – Олег об этом запомнил. От боли страх теряется, и даже самый трусливый зверек атакует.

– Забыл о том, что за эту квартиру я тоже платила. И ты не имеешь никакого права прогонять меня отсюда. А также собирать мои вещи. Нас пока еще не развели. И имуществен-

ные вопросы мы с тобой даже не начали решать. И если ты думаешь, что я откажусь хотя бы от метра принадлежащей мне квартиры, чтобы тебе было комфортнее трахать свою любовницу...

– Лика, дорогая моя. У нас с тобой нет никаких имущественных вопросов. Откуда ты вообще взяла этот бред? Это моя квартира. Я купил ее на деньги, которые дала мне мама, оформил все честь по чести. При этом оформил на маму. Можешь заглянуть в документы. Поэтому ты к данной квартире не имеешь никакого отношения. Мало того, эта покупка никогда не была ипотечной. Я сразу выплатил всю сумму. И документы в полном порядке. Тебе, наверно, что-то померещилось. Может, надо сходить к доктору? – в его голосе торжество.

Я слышу, как позади меня охает Машка:

– Вот же ты гнида!

До меня же слова доходят с некоторым опозданием. Я все кручу и кручу их в голове и не могу понять смысл: как, почему и когда? Деньги, которые стали первым взносом на квартиру, дала я!

Ведь это я, а не его мать, продала свою однушку!

Ведь это я каждый месяц отдавала ему часть зарплаты на платеж по ипотеке – чтобы закрыть ее быстрее! Так значит, все – обман! До меня резко доходит схема – простая и наглая. Он забрал деньги и оформил все на мать. Давно продумал, как отнять у меня собственность. И еще каждый месяц

забирал ипотечный платеж, который я перечисляла ему на карту.

Он не только изменил мне. Он меня обокрал! И досада в его глазах – это не стыд, это сожаление, что его планы и дальше доить меня рухнули!

– А ты, оказывается, еще и мошенник! – говорю я и наклоняю голову, чтобы как следует рассмотреть Олега.

Теперь я смотрю на него так, словно вижу в первый раз. Хотя это и есть первый раз: мой муж предстает передо мной без обычной маски любви и любезности. Значит, вот зачем это все было нужно!

Как только Олег понял, что может свободно расстаться со мной, оставив при себе большую трешку в хорошем районе, он сразу же без страха притащил домой любовницу.

Интересно, а Вера в курсе его махинаций? Или так же сидит на крючке комплиментов и восхищения, как когда-то я сидела? Впрочем, мне плевать на Веру и ее чувства. Сейчас меня волнует только мое имущество. Которое у меня хотят отнять.

У меня и моего ребенка. А вот за то, чтобы моя дочка или сын не скитались по съемным квартирам, я буду драться. За себя бы – не смогла, но тут у меня есть за кого.

8.

Поэтому я говорю:

– Не уверена, что ты собрал все мои вещи и ничего не прикарманил. Это первое. Второе: в эту квартиру я вложила свои деньги. И я буду за нее судиться. О чем ставлю тебя в известность при свидетеле. У меня не так много наглости, чтобы утверждать, что я купила эту квартиру в одиночку. Но я буду не я, если не возьму от этого свое. Моя однушка, которую я продала и отдала тебе деньги... Сделка проходила официально. Ты это знаешь. Я докажу...

– Лика, ты про те деньги? Так ты забыла. Мы их истратили на быт. Ну еду. Куртку вон тебе купили. Мы же все это время жили как супружеская пара. Или ты будешь взыскивать с меня за купленные в магазине хлеб и масло? – он развел руками, но в голосе проскочила нервозность.

Это хорошо, значит, он не так уверен в себе. И скорее всего в его афере есть слабые места.

– Я разберусь, за что с тебя взыскать. Если надо будет – то и за хлеб. А пока я заберу свои вещи. Если ты попробуешь мне помешать, я вызову полицию.

– Лика, давай без драматичных сцен. Да, мы расходимся, но это не значит, что нельзя остаться приличными людьми. И друзьями.

Издавается, что ли? Он же знает, что все деньги я дала

ему, и он со мной обсуждал, что кредит возьмет на себя, а квартира общая – просто потому что мы в браке состоим. А он забрал деньги, перетоптался с кредитами – на мамашу все записал, а кредиты взял на себя. И еще каждый месяц, сволочь, брал от меня деньги на оплату!

Я чувствую, как ногти впиваются в ладони. Нельзя. Нельзя нападать на него. Может, этого он и добивается? Чтобы я сорвалась? Так ему будет проще доказать, что его жена – чокнутая дура, и сказки про ипотеку и совместную квартиру – ее бредни.

Точно.

Меня как в холодную воду окунает.

Олег, один раз обманув, хочет проехаться на этом во второй раз. Нельзя выходить из себя. Нужно думать о ребенке. О моем ребенке.

Олег приторно улыбается и с досадой качает головой. И я понимаю, что угадала – он ждал от меня действий.

Играл на публику.

Мы ведь не одни, тут есть свидетель. И возможно, еще и видеокамера. Это вполне в стиле Олега – он предусмотрительный.

Тут подает голос Маша.

– Ну ты козел! – она припечатывает от души. Так, что обычное слово звучит омерзительно.

– Мария, давайте обойдемся без оскорблений. Не лезьте в личную жизнь вашей подруги. Только потому что у вас нет

своей личной жизни.

Но Маша только повторяет:

– Вот же козел, – потом поворачивается ко мне и спрашивает: – Лика, чем тебе помочь? И да, я помню про продажу твоей однушки и буду свидетельствовать в суде. Я видела деньги, мы вместе встречали покупателя. Вызвать полицию?

– Нет. Сейчас это не поможет. Я думаю, Олег не врет. У него документы на маму хорошо оформлены, – отвечаю я. – Свои вещи я соберу сама. Нам нужна машина. Грузовое такси. И поможешь отнести сумки вниз, Маш, хорошо? И еще – держи себя в руках. Я уверена, что Олег тут и камеру установил – чтобы было видео того, как я ему выцарапываю глаза.

– Не стоит он того, – Машка зло прищуривается. – Определяйся, что нести вниз. Я найду машину.

– Дорогая, что же ты совсем сбрасываешь меня с счетов? – говорит Олег, вставая. – Я могу помочь.

Он уже понял, что я проиграла. Что он останется в нашей квартире, в которую я вложила столько сил, в которую я вложила столько денег и любви. А мне придется уйти. И наверняка завтра же он сменит замки. Чтобы бывшая коварная жена не могла пробраться в его новое любовное гнездышко. Сукин сын!

Поэтому я просто открываю чемоданы, но не разбрасываю вещи, а лишь аккуратно перебираю их, проверяю, все ли собрано.

– Украшения и золото в маленькой сумочке, в боковом

кармашке, – подсказывает Олег. – Мне чужого не надо.

Еще бы, все украшения покупала я сама, у Олега нет чехов. А если бы были – наверняка бы оставил золото себе.

Пытаюсь уместить в голове, что со мною жили ради денег. Ради проданной однушки. Спали со мной в одной кровати. Занимались любовью. Гуляли. Compliments делали.

Мечты о том, что у нас с Олегом наладится хоть что-то, раскалываются на осколки и режут мне руки. Нет, я действительно ошиблась. Но очень давно. Когда сошлась с Олегом, а потом вышла за него замуж. Это надо же быть такой слепой душой!

Ярость внутри плещется, но мне нельзя ее выпускать: если сейчас я наброшусь на Олега, то могу не остановиться. И тогда я рискую оказаться в отделении полиции уже в статусе обвиняемой. А это повредит мне. И самое главное – не пойдет на пользу моему ребенку. А ведь впереди еще суды. Десятки часов заседаний. Надо будет искать свидетелей. Чеки. Доказательства. Отнимать свое.

И одновременно с этим быть для ребенка правильной мамой. Есть, спать, стараться не нервничать.

Господи, да я же просто не выдержу!

Слезы подступают к горлу, но силы приходят откуда не жду. Я просто смотрю на Олега и понимаю, что та ненависть, которую испытываю, поможет мне справиться.

Я верну обратно свои деньги. Мой ребенок не будет бездомным. У нее или у него будет хорошая квартира и своя

комната. А сейчас я заберу из этого дома все, что мне может пригодиться.

Даже вилки.

Потому что это я их покупала.

Я кусаю губы почти до крови и смотрю Олегу в глаза.

Он пожимает плечами, но я успеваю увидеть его неуверенность. Он не ожидал, что я буду сопротивляться. Еще бы, несколько лет – никаких ссор и споров. Послушная корова, а не жена. Но тогда у меня не было причины бороться. А теперь есть.

Только вот Олегу я об этом не скажу.

Никогда.

9. Зарецкий

– Как забрала?! – Костя дал по тормозам, машину занесло, пришлось крутануть рулем, подрезать кого-то и проворотом уйти на стоянку супермаркета.

Оттормозился с визгом, так что мужик, который рылся под капотом своего авто, посмотрел как на психа, но было уже пофиг.

Константин Зарецкий, владелец огромного медиахолдинга был в ярости. А еще испугался – впервые в жизни, наверное. Потому что дочь у него одна.

– Как забрала? Когда?!

Голос у Анастасии Федоровны, дочкиной няни, то и дело прерывался на всхлипы, но жалеть ее сейчас Костя точно не собирался.

– Приехала в сад. Узнала, что сейчас у них будет обед, и забрала. Сказала воспитателю, что сама накормит. Объяснила, что вы разрешили забрать. Мол, договоренность.

– То есть она забрала Миру еще в час? – Костя прикинул расписание садика.

Мать его, прошло очень много времени! И все это время его ребенок был в опасности. Рядом с женщиной, которая способна выкинуть что угодно.

Живо вспомнилось, как Оксана в один из своих загулов пришла домой голая. Ну как пришла, ее привезли патруль-

ные. сказали – танцевала на мосту. Зимой. Хорошо парни попались не болтливые, взяли премию, пожелали “не болеть” и уехали. А если бы на их месте была бы пресса? Одна статья, и все.

А сейчас все еще хуже. На кону не репутация, а дочь. Свою дочь Зарецкий обожал. Не баловал, нет, но любил так сильно, что этому удивлялись все.

А теперь Мира в опасности, а он ничего не делает, а сидит как кретин в машине!

Няня продолжила лопотать в телефоне.

– Да, я за Мирой пришла в четыре, а мне сказали, что мама приехала и забрала.

– Вы же их предупреждали, и я предупреждал! Какого хрена?!

– Да, но они говорят – она мать, у нее документы, имеет право, – всхлипнула няня. – Вот и отдали, а то она полицией грозилась...

– Да какая к херам полиция?! Какая мать-перемать?! – вызверился Костя. – Эта дрянь уже в середине дня лыка не вяжет, а к вечеру ищет новую дозу. Вы ей звонили?

– Да, Костя, звонила. Мира взяла телефон, сказала, что мама спит. И что они в машине. А когда проснется – поедут в кино смотреть мультики. А потом телефон сел. Мира сказала, что поставит на зарядку, но она же малышка и могла неправильно воткнуть проводок.

У Кости похолодело в груди.

Оксана еще и за руль села! Обычно ее осторожности хватало на то, чтобы в загулы ставить тачку на стоянку и кататься по своим делам на такси.

Но Мира такси не любила, и любящая мамаша решила пойти навстречу. Вот же зараза!

– Анастасия Федоровна, а Миру нормально одели? Вы шкафчик проверили? Курточка-рюкзачок на ней, которые я покупал? Ну розовый с пони и пуховик белый?

– Да, я же помню, вы говорили, чтобы брали с собой... Она сегодня в пуховике. Холодно же. Я шкафчик проверила – вещей нет. Воспитатели ее сами одевали.

У Кости чуть отлегло.

Рюкзак и куртка на ребенке, значит, теперь надо только включить программу GPS-маячка, и он сможет отследить, куда Оксана увезла дочь.

Господи, когда-нибудь он не выдержит и просто придушит эту суку!.. Прямо собственными руками!

Забавно, как ничего не предвещало такого ужаса еще пять лет назад. Какие они тогда были счастливые!

Ну или он, по крайней мере. Чужая-то душа потемки.

И ведь главное, у них было все, о чем другим приходится только мечтать.

Своя компания – большое издательство с сетью типографий и огромной структурой распространения – магазины и более мелкие торговые точки. Элитная квартира в центре – целый этаж старинного особняка. Загородный дом возле

озера, если надоест городская шумиха. Каждый сезон – короткие поездки на отдых, чтобы сменить обстановку. Просто так, на выходные, в Монако или в Париж.

Машины. Украшения. Деньги. Деньги. Деньги!

Деньги и стали причиной всего того ужаса, в котором теперь застряла их семья.

Ведь так легко достать что угодно, когда на твоей карте нелимитированный счет! Когда муж не проверяет траты. Когда появляются любимые подружки, с заботливым предложением – ты, бедненькая, так устала в спа-салоне, надо отдохнуть, развеяться, скушать вот ту таблеточку. А после нее сразу станет легче, ведь Оксаночка-котичек так устала – весь день то на массаж, то на фитнес, то в ресторан!

Сучки завистливые! Они ведь это ей втюхивали из зависти, а она велась.

Костя не просек, когда именно это стало нормой: жена-ведьма, орущая на него по утрам, и она же – мягкий прекрасный ангел по вечерам.

Сначала не понимал, в чем дело. Потом доперло. Только было уже поздно. Что-то внутри Оксаниной головы окончательно повернулось. Если со своими таблетками она была еще вменяема, то без них становилась совсем долбанутой. Глюки, паранойя, истерики.словно он находится с хроническим алкашом, у которого белая горячка. Таких раньше и из дурки не выпускали.

И ладно он, но дочка...

Единственное, что утешало Костю в этом кошмаре, что вся эта наркотическая дрянь началась после родов, а не во время беременности. Их дочке Мире как раз исполнилось шесть месяцев, когда ее мама решила, что кайфа от богатой жизни ей недостаточно.

Он отправил жену на лечение в Швейцарию. Там ничего не обещали, прогнозы давали осторожные, но денег взяли гору.

Потому что Оксана жрала какую-то модную хрень, а все модное везли из Китая, а уж что там накрутили в лабораториях – поди разбери. Она, как всякий наркоман, скрывала своих дилеров. Троих Костя вычислил и сдал. Но оставались еще.

10. Зарецкий

Но это же Костя виноват, что она стала такой! Почему он так мало уделял ей времени, почему все время занят?! Может, если бы он не взял тот проект с венграми и они бы проводили больше времени, ей бы и в голову не пришло... Так что виноват! Поток обвинений был бесконечен.

Костя попытался понять. Повспоминал – может, действительно был невнимателен или мало был рядом. Отказался от большой сделки в убыток фирме. Стал проводить дома максимально возможное время. Возился с ребенком, катал Оксану в рестораны и развлекал как мог. Находился рядом круглые сутки. Подарки дарил. Возил на острова. Но...

Ей было скучно. Ей было так скучно с ним и с дочкой, что поток обвинений только ширился.

Купил – плохо, не купил – еще хуже. Пришел рано – плохо, не пришел – скандал на сутки. В отпуск на бали – пошло. Надо в Париж. Ну и что, что там сейчас холодно? Ребенок потерпит.

И главное, Мира, которая хоть и была крохой, но понимала все больше и больше, видела, что с ее любимой мамочкой что-то не так, и начинала пугаться, и переживать, и плакать. Но перестать любить мать уже не могла.

Оксана срывалась на них год, доводя до остервенения. А потом внезапно затихла, и Костя понял – через неделю их

опять ждет Швейцария и клиники.

И так четыре года, с короткими затишьями, когда Оксану забирали на лечение. Без нее в доме наступал покой. Дочка переставала плакать. Он не пил вечером виски.

Костя изучил вопрос со всех сторон, телефонные номера всей профессуры города были у него на горячем наборе.

Пока один врач, совсем не высшей категории, не светило, прием которого стоит заоблачных денег, а просто врач скорой, вызванный на очередное обострение, не сказал:

– Таких не вылечишь. Ей нравится. Она не бросит. Вы бы ребенка поберегли.

Костя тогда вызвал бригаду, когда ситуация вышла из-под контроля и потребовались инъекции успокоительного.

– Говорят, есть методики. Лекарства.

Врач пожал плечами:

– Может, и есть. Но не для таких. Простите. Это неприятно осознавать. Но у вас ребенок. О дочке подумайте. Это опасно.

И время показало, что светила ошибались, а простой фельдшер понимал в жизни больше.

Оксана возвращалась с лечения, пару месяцев злилась от невозможности достать таблетки, а потом все начиналось по новой.

Неделю назад Костя подал на развод.

Не выдержал.

Потому что жить в постоянном напряге и ожидании, что

Оксана вытворит, он не мог. Любовь, которая в сказках преодолевала все, всухую проиграла таблеткам.

Костя разлюбил свою жену. Во всех смыслах.

Она вызывала брезгливое чувство отторжения.

Ее суетливость, истеричность и желание манипулировать даже в моменты просветления бесили неимоверно.

Но все годы он на что-то надеялся. Вспоминал, как было хорошо. Тогда. До. Это “до” снилось ночами и читалось в глазах Миры, которая маму обожала несмотря ни на что.

Ребенок же. Куда ей без матери?

Даже такой.

Этот аргумент останавливал Костю все годы. Ясно, что бросить дочь на опеку такой матери он не сможет – свою маленькую принцессу чудовищу не отдают. Но и разлучать Оксану с ребенком тоже было нельзя.

Даже сквозь марево зависимости было видно, что она тянется к Мире, хочет наладить контакт. Но, видимо, уже не может.

Мира же считала маму самой красивой. И доброй. И прекрасной. Рисовала ее портреты в альбомах и планировала, как они поедут осенью в Диснейленд.

А Костя понимал, что еще чуть-чуть – и рехнется. Если бы он мог постоянно брать дочь с собой на работу, то дома бы не появлялся месяцами.

Однажды утром проснулся, услышал, как Оксана отчитывает няню, и понял – все. Хватит.

Первое слушание обещали провести через десять дней – юристы торопили суд как могли.

Костя собирался забрать себе Миру – это даже не обсуждалось, но Оксана словно что-то учуяла.

Стала тише, осторожнее. Дома почти не появлялась. Заявление на развод не подписала – просто забрала и сказала, что посмотрит.

Костя как чувствовал, просил няню, которая сидела с Мирой с младенчества, быть повнимательнее. Вдруг что? Та и была внимательной. Дома. А вот в частном саду, куда Мира ходила ради игр с другими детьми, не стали заморачиваться. Уступили! Побоялись скандала. Мама же пришла за ребенком! А то, что эта мама способна забыть дочь посреди торгового центра, они не подумали. Отдали.

И теперь его дочь один на один со своей ненормальной мамашей. Господи, надо было сдавать ее в дурку еще три года назад, забирать Миру, переводить бизнес в столицу и уезжать!

Все жалел, думал – наладится. Исправится. Придет в себя, поймет, что у нее семья.

Идиот!

Костя протер глаза, глянул на себя в зеркало заднего вида. Все его тридцать пять лет сейчас просто отпечатались на лице. И синяками под глазами от волнений и недосыпа, и небритостью. Докатился. Как бы тут судья не решила, что папаша у Миры под стать мамаше.

Костя врубил слежение на мобильном. Два трекера – один вшитый в спинку рюкзака, а второй в воротник куртки. Есть контакт! Недалеко. Минут десять.

Костя дал по газам и вывернул руль.

Нужно было успеть перехватить машину Оксаны, пока та стоит на месте. Потому что если эта ненормальная рванет от него по городу, то точно угробит себя.

И ребенка.

11. Зарецкий

Оксана для стоянки выбрала какие-то дворы, рядом с жилыми домами. То ли хотела спрятаться, чтобы не нашли, то ли просто случайно занесло.

Ее красный рендж ровер он увидел сразу. Фара разбита, бампер почти отвалился. На лобовом трещина. Мать твою, она еще и в аварию попала!

Костя бросил машину поперек проезда, чтобы эта дура не дала по газам и не решила сбежать, и рванул к рендж роверу.

Сквозь тонировку еле разглядел, что внутри.

Оксана, уткнувшись в руль, сидела в отключке на переднем сиденье.

Мира – на заднем, в автокресле, играла с мягкой игрушкой. Хорошо хоть машина умная – не заглохла и салон не выстыл.

Костя тихонько постучал по стеклу.

Мира улыбнулась, открыла ротик и тут же его заткнула ладошкой, вспомнила, что мама спит и будить не надо.

Костя прижал палец к губам, подтверждая, что нужно быть тихой.

Мира отстегнула ремешок, взяла рюкзачок и разблокировала дверь.

Сама.

Оксана даже не блокнула все замки с водительской двери!

А если бы к машине подошел не Костя?

Если бы...

– Папа, привет! Мама очень-очень устала. Но ее скоро можно будет разбудить, и мы поедем на мультик. В кино. Там будет вкусная картошка фри. Поедешь с нами?

Костя подхватил дочь на руки, быстро ощупал, проверяя, все ли в порядке.

– Зайка моя, с тобой все хорошо?

– Мы пока ехали, немного стукнулись. Мама сказала – бывает, – Мира сделала взрослый умный вид. – Я пристегивалась. Ты же меня учил. Но немножко испугалась.

– Не ударилась?

– Нет. Только Пушик ухо стукнул, – она показала плюшевый брелок, у которого ухо было перемотано ленточкой.

– Пушика мы вылечим. Я вызову на дом специального доктора, – пообещал Костя, потихоньку отступая от машины и судорожно соображая, как поступить. – Только нам надо домой тогда. Доктор в кино не придет.

– Ой, а как же мама? – Мира крутанулась в руках. – Надо ее разбудить. Она ударила руку – я видела. Рука стала красная, а потом синяя. Маме тоже нужен врач.

– Обязательно, сейчас мы сядем ко мне в машину. И я вызову...

Тут, как назло, из ближайшего подъезда вышли две женщины с большими сумками и стали оглядываться – видимо, вызвали такси. Одна из них растерянно посмотрела ми-

мо Кости, вторая, более бойкая, поставила сумки и уперла руки в бока.

– Лика, он где-то рядом. Сейчас найдем! Держись!

– Да, хорошо. Я в порядке, – женщина вдруг посмотрела на Костю, и он понял, что она красивая и несчастная.

Именно в таком порядке. Какие-то удивительного нежно-зеленого цвета глаза, тонкий нос и ровные брови. И при этом искусанные почти до крови губы. Уродливый бежевый пуховик, который как ни старался, не мог эту женщину испортить. И выражение лица такое, словно вот-вот под поезд бросится.

– Папа, там дядя тебе машет!

Такси, которое вызвали женщины, небольшой грузовичок, как раз обнаружилось за Костиной машиной – водитель, приоткрыв стекло, махал рукой, показывая, чтобы ему освободили проезд.

Костя вздохнул. Поставил Миру на землю и присел рядом. Как же все некстати! Нужно освободить дорогу, а потом как-то убедить дочь поехать домой.

– Мира, сейчас мы отъедем немного – видишь, дяде надо проехать. А потом я посмотрю, что с мамой...

– Нет! – Мира выдернула свою ладошку и даже за спину ее спрятала, словно почуяла вранье, а может, просто целый день стресса наконец дал о себе знать. Авария, несколько часов подряд рядом с невменяемым человеком. И все это в пять лет. – Ты уедешь. Ты бросишь маму! Я знаю!

– Мира, детка...

– Я знаю! Ты ее бросишь! Она говорила мне, что ты все сделал, чтобы ее бросить! Поэтому она несчастная. А она тебя любит и меня любит! И рука у нее болит! А ты плохой! И меня ты бросишь, как ее!

Вот же тварь! Так вот для чего она забрала ребенка! Чтобы рассказать Мира про развод и перетянуть дочку на свою сторону. Вот же зараза! Сколько они катались по городу, и она загаживала ребенку мозги? Два часа, три?

– Мира, зайка, я обещаю, что мы вызовем врача. Вместе. Я буду звонить, а ты слушать... Я...

– Отпусти меня! Отпусти! Я хочу к маме! Мама! Мамочка!

Костя попытался ухватить ребенка, но Мира внезапно стукнула ему кулачком по плечу и с силой выкрутилась у него из рук.

– Мира! Прекрати!

– Пусти меня к маме! Пусти! Ты плохой! Ты нас не любишь!

– Мира...

На них уже начали смотреть. Водитель грузовичка и те две женщины у подъезда.

Костя попытался достать телефон, чтобы позвонить няне, но тут ребенок рванул прочь.

– Мира!

Но она побежала почему-то не к маминой машине, как

опасался Костя, а к тем женщинам у подъезда. Как к спасению.

С ревом, словно Костя тут похититель и собирался Миру украсть.

Пока бежала, уронила в грязь свой брелок, заметила и расплакалась еще сильнее, но, выхватив игрушку из талой лужи, все-таки добежала до цели и уткнулась совершенно незнакомой женщине в ноги.

Та от неожиданности выпустила пакеты, из которых прямо на снег посыпались вещи, посмотрела на Костю, словно он убийца какой-то.

– Простите. Ее мать, она не в порядке, – Костя как мог подбирал слова, хотя его душила злость. Твою мать, да если бы не свидетели, он бы уже вытряхнул Оксану из машины и вызвал дурку с полицией для принудительной госпитализации. Но Мира... Это для Кости бывшая жена – источник бед, а для нее – мама. Любимая и прекрасная. – Я сейчас посмотрю, что с ней, и вызову врача. Не могли бы вы...

Костя попытался сформулировать. Пока Мира рыдает в пуховик этой женщины, у него свободны руки – он может разобраться с Оксаной, позвонить няне и хоть немного понять, что делать дальше.

– У нас такси простаивает. Из-за вас, – вторая женщина недовольно нахмурилась. – Наше время тоже не казенное, почему бы вам...

– Маша, прекрати. Не видишь, девочке плохо, – у зелено-

глазой голос оказался тихий и спокойный. Такой голос хотелось слушать часами.

– Тебе тоже плохо, однако остальных это мало трогает, – фыркнула вторая.

– Прекрати, ребенок же, – сказала зеленоглазая, потом смерила Костю оценивающим взглядом, поджала губы и кивнула: – Хорошо, я пригляжу. Только постарайтесь побыстрее. И еще, ребенка я от себя не отпущу, пока вы мне не покажете документы, что вы отец или родственник...

– Лика, нас такси ждать не будет. Ладно, давай я пока буду выносить вещи, раз ты тут...

Женщина махнула рукой и ушла в подъезд.

– Я отец.

– Папа плохой! – неожиданно включилась в разговор Мира и, еще крепче вжавшись в чужой пуховик, запричитала туда свои горести, уже глухо и неразборчиво.

– С такси я договорюсь, – Костя с трудом отвел взгляд от женщины, которая осторожно, словно драгоценность трогала, положила Мире на плечо руку.

Хоть что-то хорошее в этом дерьмовом дне! Видимо, Мира даже своим маленьким умишком поняла, что с мамой все плохо, раз побежала плакаться совершенно незнакомой женщине, а не открыла дверь маминой машины. Так или иначе, теперь у него есть немного времени.

Первым делом Костя вынул бумажник, не глядя выгреб оттуда наличные и сунул в окно водителю такси.

– Это за простой. Если кто-то сзади подопрет – пошлешь на хрен.

Водитель кивнул, пересчитывая купюры:

– Нет проблем, мужик. За такие деньги я еще и станцюю. Если чего помочь – говори.

– Не знаю, может, и понадобится. Зависит от того, в каком она состоянии, – Костя кивнул на рендж ровер.

– Эка она машину уработала, наверняка корпус повело, – проворчал таксист. – Тут ремонт – половина цены. Синька?
– Хуже.

Решив первую задачу, Костя прикинул, как лучше. Позвонил в частную клинику, где Оксану знали и не раз промывали ее капельницами, договорился на то, что от них придет частная скорая. Выдохнул. И пошел к своей испорченной машине и к своей бывшей жене. И если первое еще можно было починить, то со вторым он ничего не мог поделать.

Зеленоглазая женщина сняла с себя шапку и натянула Мире на голову. И оказалось, что женщине удивительно идет ее прическа и что волосы у нее каштановые, как и брови.

И перед тем как открыть дверь рендж ровера, Костя подумал, что, наверно, есть в мире везучий мужик, на которого такая женщина смотрит с любовью.

12.

Когда мы собираем все мои вещи, выходит на девять пакетов больше, чем упаковал щедрый и любящий муж. Огромную часть вещей он хитро перепрятал: например, хороший фен, какие-то косметические подставки, стильную мелочевку, даже канцелярию, которую мне дарили на работе – органайзер с цветными маркерами и прочими офисными инструментами. И конечно, по чистой случайности забытое серебряное кольцо с агатом.

– Оно тебе никогда не нравилось, – пожимает плечами Олег.

– Это тебе оно не нравилось. Это ты говорил, что оно слишком громоздкое. А мне оно нравится.

Я осматриваюсь еще раз и выдыхаю. Вот теперь все. В этой квартире моими остаются только сами оплаченные метры.

Олег рассеянно улыбается, но я понимаю – он вне себя. И очень злится. Еще бы – он рассчитывал, что его глупая курица-жена, потрясенная тем, что ее бросают, ничего не возьмет и уйдет вдаль, рыдая.

Или будет валяться в ногах, и тогда можно и дальше тянуть из нее деньги на несуществующий кредит и есть домашние пироги, добирая постель за порогом.

Наверно, если бы не было беременности – так бы и произошло. Бороться за себя мне кажется глупой мыслью, но за

своего ребенка я готова биться до конца. И поэтому тут, в пакетах, каждая вещь пригодится. Это не жадность – это мое будущее.

И будущее ребенка.

Машка тыкает в телефон, вызывая грузовое такси – в обычное все вещи точно не поместятся.

На прощание Олег берет меня за руку и притягивает к себе таким родным и привычным жестом, что я поначалу глупо ведусь. Ведь мое тело помнит, как хорошо мне было с этим мужчиной. Какими уютными были его объятия. И сколько нежности он дарил мне.

“Он дарил ее в обмен на твои деньги”, – внутренний голос приходится очень кстати. – “А сам за твоей спиной кувыркался с другими. Он тебя использовал”.

Я вырываю руку, но не отступаю. Смотрю в глаза мужчине, который лгал мне все эти годы. Понимаю, что с любовью к нему я справлюсь, ненависть будет сильнее, она победит.

– Увидимся в суде, Олег. Ты рано расслабился. Стоило поиграть в эти игры подольше – и у тебя было бы все. И дура жена. И квартира. И пироги. И любовница.

– О чем ты, Лика? Я не понимаю, – Олега аж корежит, что его фокусы больше не работают, и я от осознания этого становлюсь сильнее.

– О жадности. Ты не проглотить столько, сколько хапнул. Даже не рассчитывай.

– Лика! – зовет Маша уже из коридора. – Машина почти

подъехала. Давай отнесем вниз вещи.

– Ну что ж, думаю, вы прекрасно справитесь вдвоем, – говорит Олег. – такие сильные женщины.

Мсть мелкая, гаденькая, но меня она колет сильнее, чем рассчитывает бывший муж. За меня вступается Машка. Что бы я без нее делала, наверно, с ума бы сошла.

– Конечно, справимся. Справилась же Лика на все это заработать и тебя еще, мудака, содержать.

Маша решительно берет пакеты и спускается вниз. Я иду за ней. Не оглядываясь.

На выходе из подъезда нашего такси нет, зато там творится какая-то дичь. Черный блестящий мерс представительского класса стоит, перегородив проезд. Дверь со стороны водителя распахнута.

Около машины взахлеб рыдает ребенок лет пяти, девочка, а мужчина в легкой куртке пытается ее успокоить.

Мужчина красивый, высокий. Словно сошел со страницы журнала. Широкие плечи, темные волосы, легкий загар, дорогая стрижка. На руке часы, которые стоят как три года работы, и два перстня с темными камнями. На щеке у мужчины свежая царапина.

Он выглядит так, как всегда хотел выглядеть Олег. И я невольно сравниваю их и понимаю – Олег не смог бы так выглядеть, даже если бы потратил на себя миллион долларов.

Да и выражения лица у Олега никогда такого не бывает – искренняя забота и беспокойство.

У подъезда еще одна машина – алый внедорожник, тоже с открытыми дверями. На водительском сиденье кто-то лежит, уткнувшись в руль.

– Маш, наше такси вон там. Ему не проехать, – говорю я. – погоди, сейчас разберутся, наверное.

Машка грозно сдвигает брови:

– А нам тут мерзнуть, пока они разбираются? Пусть убежит свой мерс и дальше разбирается.

Подруга решительно собирается двинуться на водителя мерса, но ребенок всех опережает – вырывается из объятий мужчины.

Отбиваясь так отчаянно, словно его держат силой. А потом почти вслепую бегом летит прямо на меня.

Роняет игрушку, быстро поднимает, снова бежит и врзается мне в колени, повисает грузиком – громко и горько ревущим. Словно зверек, который от страха перед лесным пожаром заскакивает в машину к охотнику.

Среди рыданий можно только разобрать что-то про маму, которая болеет. Я на автомате прижимаю девочку к себе и готовлюсь защитить. Потому что когда ребенку так больно, обязательно должен найтись тот, кто спасет. Или хотя бы закроет от беды.

Я смотрю на мужчину. Он выглядит совершенно разбитым, трет руками лицо и пытается объяснить что-то про женщину в красной машине.

Похоже, это и есть мама, которая “болеет”.

– Ого. У богатых свои проблемы, – тихо говорит Машка, чтобы ребенок не услышал, но девочка самозабвенно ревет и, наверно, не услышит, даже если рядом стрелять из пушки. – Похоже, что пьяная. И машину разбила, бампер висит. Блин, мне бы такую тачку, я бы пылинки сдувала, а тут...

Мужчина не пытается оторвать от меня ребенка, лишь смотрит с такой болью во взгляде, что мне тоже хочется плакать.

13.

На Машино возмущение он кивает и обещает все уладить с нашим такси. И действительно – достает телефон, бумажник, и через пару минут водитель такси без споров сам помогает Маше отнести и загрузить вещи в грузовичок. При этом несет бережно и даже пару раз поднимается в квартиру, чтобы помочь с особо тяжелыми сумками.

Еще через десять минут с другой стороны двора подъезжает скорая-реанимация. Автомобиль новый, аж блестит, на боку эмблема частной клиники, самой дорогой в городе. Двое врачей перекидываются с мужчиной парой фраз и идут к красному внедорожнику.

Я понимаю, что зрелище сейчас будет очень плохое, и закрываю головку девушки ладонями.

Распахивают водительскую дверь, и им на руки выпадает молодая женщина. Да, Маша права – или пьяна, или что похуже. Лоб разбит, кисть руки распухла.

От холодного воздуха дамочка приходит в себя, пытается встать на ноги, обводит всех мутным взглядом и почему-то смотрит прямо на меня. Презрительно выплевывает:

– А, нашел себе шлюшку... И ребенка подговорил. Всех купил, сукин сын!

Оборачивается на мужчину, который, скрестив руки на груди, наблюдает за ней, и говорит с омерзением:

– Я у тебя все отберу! И Миру тоже! Пусть знает, на кого ты меня променял... На кого ты променял ее мать!

– Оксана, ты не в себе. Сейчас поедешь в клинику. Ты влетела в аварию. И чуть не убила ребенка.

– А на меня тебе наплевать, Костя! И всегда было наплевать! Я хоть убейся! Только Мира! Только ты сам!

– Уже да, – от этих слов веет безнадегой и усталостью. Такой, когда все перепробовал и больше не видишь вариантов.

– Я никуда не поеду! – женщина убирает с лица прилипшие к ссадине белые пряди, размазывая кровь. – Мы с Мирой уезжаем! Я...

Но тут один из докторов делает шаг вперед и прижимает к запястью женщины инъектор. Перехватывает под грудь, фиксируя, гася попытки вырваться, и ждет, пока она уснет. Женщина слабеет, речь становится несвязной, и в итоге она тяжело оседает на руки врачей.

– Сколько она была без сознания? – спрашивает второй врач. – До нашего приезда.

– Пару часов. В этот раз все как-то вышло из-под контроля.

– Ей нужна очистка и терапия. Если меня не подводит опыт – это была передозировка. Просто молодой организм, справился. Вам позвонят из клиники, дадут отчет. Только поставьте подпись как опекун.

Мужчина, которого неадекватная женщина назвала Костей, кивает. Быстро расписывается в документах.

– Девочке нужна помощь? – врач указывает на ребенка, который все реже взрыдывает мне в куртку.

– Нет. Автокресло уберегло, слава богу. Дальше я сам, спасибо.

Я понимаю, что нужно как-то уговорить ребенка меня отпустить. Я трогаю ее за руки – осторожно. Ручки ледяные, и вместо того, чтобы отодвинуться, я засовываю детские ладошки себе в рукава и пытаюсь их согреть.

– О, кажется, тебя просто так не отпустят, – Маша задумчиво оценивает происходящее и решительно направляется к этому Константину. Тихо с ним говорит, многозначительно поглядывая на меня.

У ребенка истерика переходит в икоту, и это нехорошо. Совсем нехорошо. Я осторожно поднимаю девочку на руки – она весит порядочно, но я вполне в силах удержать. И ласково говорю:

– Давай я отнесу тебя к папе. Смотри, как он переживает. Ладно?

Но ребенок мотает головой и только сильнее вжимается лицом в мою куртку.

– Нет! Не хочу к нему. Он маму обижает. Хочу с тобой!

– Да почему со мной-то, я же чужая тетя, – бормочу, а сама почему-то не выпускаю девочку из объятий.

– Не чужая! Пушик тебя выбрал, а еще у него ухо, – всхлипывает она, и рев начинается заново. – Пушик... Мама!

Я понимаю, что у ребенка такой сильный стресс, что ей

необходим хоть кто-то, кто не подведет и не отпустит. Кто-то надежный. Поэтому держу, чуть покачиваю и глажу по спине.

И не отпускаю.

Это ж как надо довести девочку, чтобы она к чужим людям рванула?

Наконец возвращается Машка, смотрит серьезно и говорит:

– Это – Константин Зарецкий. А это его дочка – Мира. Я документы проверила. Он действительно отец. Там...

Машка мнется и глазами показывает на скорую, которая еще не уехала.

– Супруга там. В состоянии нестояния. Вещества такие есть в природе, сама понимаешь, – Машка подбирает слова, чтобы ребенок не понял.

Зато я понимаю. Наркотики. Действительно, беда. Несчастливая девочка, с такой мамой действительно рванешь куда глаза глядят.

Зарецкий. Зарецкий. Очень знакомая фамилия. Я слышала ее где-то на работе. Точно! Он к нам приезжал, и шеф весь извелся в ожидании. Речь шла о крупной сделке для нашей фирмы по поставке канцелярии. А вот для Зарецкого это было так, обычное дело. Медиа-магнат. Издательства, типографии. И кажется, еще сеть кофеен.

Ого, вот уж кого не ожидаешь увидеть в такой ситуации. Значит, его жена – вот эта полусумасшедшая? Не повезло. А

уж как жаль девочку!

– И что делать? – спрашиваю я у Маши, расстегиваю куртку и пытаюсь хоть немного полами закрыть ребенка от холодного ветра.

– Константин очень просит тебя сесть в его машину, – Машка говорит тихо, чтобы девочка не слышала. – Отбигать ее сейчас он не рискнет – от этого будет только хуже. Сама понимаешь, ребенок в шоке. Она сначала ездила с невменяемой матерью по городу, потом попала в аварию, потом этот концерт... Константин просит тебя прокатиться к ним домой. Ненадолго.

14.

Машка прячет взгляд. Значит, лукавит.

– Что ты ему сказала? – я делаю “страшные глаза”.

– Только правду. Что твой арендодатель – козел и внезапно отказал в съеме. Выгнал из квартиры. И тебе надо пару дней на поиск нового жилья.

– Ты с ума сошла!

– Лика, у этой семьи проблемы. И если ты хоть немного поможешь их решить, то, думаю, и тебе помогут. Это же Зарецкий. Даже я знаю, кто он.

– Машка, я не могу...

– Можешь. Подумай хорошо. У тебя ведь есть ради кого несколько часов поработать няней? Верно? Да и ребенку сегодня досталось. Не дури.

Она права. Моя подруга права, и я это понимаю. Но вот так с ходу впирается в чужую жизнь? Мне очень сложно.

Я понимаю, что ребенок вцепился в меня, как маленькая сиротка-коала в огромную плюшевую игрушку. Такие в зоопарках кладут как замену мамы.

Хорошо, пара часов – это не конец света. Да и Зарецкий точно захочет разобраться с этим быстрее. Все-таки богатый, занятой человек. Надо же, какая ирония судьбы. Мне всегда казалось, что у таких богатых проблемы совсем другие.

Иду к машине с ребенком на руках. Девочка не спорит и

не сопротивляется – слишком вымотана истерикой.

Машка собирает последние рассыпавшиеся из пакетов вещи и передает водителю грузовичка.

– Пакеты туда доставят, не волнуйся. Если что – позвони мне, я примчу.

– Признайся честно, ты просто нашла способ от меня избавиться, – пытаюсь шутить я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.